

ОБ ИНСТИТУТАХ И НЕ ТОЛЬКО***Берсенёв Владимир Леонидович,**

Институт экономики
Уральского отделения Российской академии наук,
ведущий научный сотрудник Центра экономической теории,
доктор исторических наук, профессор,
Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0002-3554-6965,
E-mail: colbers@bk.ru

Статья поступила в редакцию 24.06.2020, принята к публикации 14.09.2020

Для цитирования: Берсенёв В.Л. Об институтах и не только // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 4 (41). С. 186–198. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10412

Аннотация

Статья отвечает на ряд вопросов, связанных с использованием категории «институт» в экономических исследованиях. Автор раскрывает основные этапы становления понятия «институт», отдельно останавливается на вопросе научной новизны, которую внёс американский экономист Т. Веблен в понимание институтов в качестве основы экономического поведения. Показано, что институты рассматриваются, с одной стороны, как образцы экономического поведения, а с другой – как правила, нормы и механизмы, обеспечивающие их соблюдение. Эвристический потенциал институционального анализа выявляется на примере раскрытия внутреннего содержания процесса институционализации. Отмечается перспективный характер такого направления исследований, как анализ формирования институтов рыночной экономики в современной России.

Ключевые слова:

институт, институционализм, экономическое поведение, институционализация.

* Статья подготовлена в соответствии с планом НИР Института экономики УрО РАН на 2020–2022 гг.

ABOUT INSTITUTIONS AND NOT ONLY

Vladimir L. Bersenev,

Institute of Economics
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Leading Research Associate,
Doctor of History, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0002-3554-6965,
E-mail: colbers@bk.ru

Article received on June 24, 2020, accepted on September 14, 2020

To cite this article: Bersenev, V.L. (2020). Ob institutah i ne tol'ko [About institutions and not only]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 4(41), 186–198. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10412

Abstract

The article answers a number of questions related to the use of the “Institute” category in economic research. The author reveals the main stages of the formation of the concept of “Institute”, separately focuses on the issue of scientific novelty, which was introduced by the American economist T. Veblen in the understanding of institutions as the basis of economic behavior. It is shown, that institutes are considered, on the one hand, as samples of economic behavior, and with another – as rules, norms and the mechanisms providing their observance. The heuristic potential of the institutionalism reveals on an example of disclosing of the internal maintenance of institutionalization. Perspective character of such direction of researches, as the analysis of formation of institutes of market economy in modern Russia is marked.

Keywords:

institute, institutionalism, economic behavior, institutionalization.

Задуманная в 2009 г. в рамках исследовательского проекта Института философии и права УрО РАН энциклопедия «Дискурсология» среди многочисленных терминов, подлежащих препарированию на академическом уровне, предполагала раскрытие содержания несколько загадочного термина «институциональный дискурс». Кстати, работа над энциклопедией продолжается и поныне, но «институциональный дискурс» по-прежнему ждёт своих толкователей и интерпретаторов. Загадочность же этой дефиниции предопределяется прежде всего тем,

что одно из составляющих её понятий, а именно «институт», отличается уж очень разнообразным набором толкований и интерпретаций.

Иными словами, отталкиваясь от определения дискурса, предложенного Т. ван Дейком (Dijk, 1998, р. 193–194), можно сказать, что «институт» как коммуникативное событие представлен в большом многообразии коммуникативных действий, включая откровенные заблуждения. Вплоть до настоящего времени в семьях с детьми-старшеклассниками обсуждается проблема «Как поступить в институт?», хотя с 1990-х годов абсолютное большинство высших учебных заведений в России именуется университетами и академиями. Более того, сотрудники научно-исследовательских институтов, неважно, входящих в систему РАН или подчиняющихся иным ведомствам, периодически вынуждены отбиваться от родственников и знакомых, просящих или даже требующих помочь сыну или дочери «поступить в твой институт». В таком контексте объяснять кому-либо непосвящённому внутреннее содержание такого направления экономической теории, как институционализм, будет занятием более чем неблагодарным. Однако когда весьма уважаемый журнал «Дискурс-Пи» обратился с просьбой ответить на ряд вопросов, ориентированных на препарирование категории «институт» в рамках истории экономических учений, я как сотрудник Центра экономической теории Института экономики УрО РАН посчитал возможным хотя бы попытаться высказать своё мнение по этому поводу.

1. Есть ли отличия в понимании ИНСТИТУТА в экономической теории от других (социальных) наук?

Разумеется, в каждой из отраслей общественнознания любая распространённая категория обретает какое-то своё специфическое толкование. Более того, в ряде случаев набор определений может выходить за пределы академического дискурса, и «институт» тому показательный пример.

В «Словаре иностранных слов», изданном в 1955 г., под институтом понимаются совокупность норм права, регулирующих одно или несколько связанных друг с другом общественных отношений, наименование учёных обществ, НИИ и вузов, а также – привилегированное женское среднее учебное закрытое заведение в дореволюционной России (Лёхин, Петрова, 1955, с. 275). Можно было бы даже подумать, что в последнем значении термин попал в словарь советской эпохи благодаря тому, что «штаб Октября» находился именно в здании Смольного института, но нет. Если не обращать внимания на смену орфографии и стилистики, то не трудно заметить, что в середине XX века производились трактовки института из знаменитого энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (Институтъ, 1994, стлб. 1851–1852).

«Современный словарь иностранных слов» 1992 года издания содержит тот же перечень трактовок (переименование учебных институтов в университеты и академии ещё только начиналось), но добавляет к ним весьма важное для ответа на поставленный вопрос понятие «социальный институт». Вообще-то это понятие заслуживало отдельного места в словнике просто в силу масштабности описываемого им явления, поскольку под социальным институтом предлагалось понимать определённую форму организации, регулирования, упорядочения общественной жизни, деятельности и поведения людей (Институт, 1992, с. 239).

Среди таковых выделялись и экономические институты, что являлось заодно и напоминанием о существовании такого своеобразного направления в экономической теории, как институционализм. Кстати, как ни странно, в выдержавшем несколько переизданий в течение тех же 1990-х годов «Большом экономическом словаре» предлагалось шесть трактовок термина «институт», но в качестве ключевого понятия в довольно-таки известном направлении экономической теории он не рассматривался (Азрилиян, 1998, с. 215).

Отсылка к человеческому поведению при толковании категории «социальный институт» распространяется и на институт экономический. Вообще-то некое, ещё категориально не оформленное, понятие института можно обнаружить уже в работах одного из первых протосоциологов рубежа XVII–XVIII вв. Джамбаттисты Вико (Вико, 1994). И даже молодой Карл Маркс в 1846 г. как-то обмолвился, что «наши общественные институты являются продуктами человеческого развития» (Маркс, 1848, с. 406). Однако рождение собственно институционализма приходится на самый конец XIX столетия. Если не воспринимать всерьёз в качестве отцов-основателей этого направления таких исследователей позитивистского толка, как Ф. Симиан и Л. Брокар, то первым, кто обратился к институтам как категориям экономической науки, был Торстейн Веблен. В «Теории праздного класса» (1899) он наглядно доказал «экономичность» категории «институт»: «Всякую социальную общность можно рассматривать как производственный или экономический механизм, структура которого складывается из того, что называется социально-экономическими институтами. Такими институтами являются привычные способы осуществления процесса общественной жизни в её связи с материальным окружением, в котором живёт общество» (Веблен, 1984, с. 204).

Более того, вольно или невольно своими рассуждениями Т. Веблен закладывает основы теории экономических реформ. Почти по К. Марксу он утверждает: «Движение общества вперёд состоит, главным образом с точки зрения экономической теории, в продолжающемся поступательном приближении к почти что точному «установлению внутренних отношений в соответствии с отношениями внешними»; однако такое соответствие никогда точно не устанавливается, так как «внешние соотношения» подвержены постоянному изменению вследствие всё продолжающихся изменений во «внутренних отношениях» (Веблен, 1984, с. 203). Вряд ли Т. Веблен мог хоть как-то быть наслышан о диалектике взаимодействия производительных сил и производственных отношений, но мыслит он в духе классиков марксизма, хотя и трактует ключевые преобразования в рамках общественно-исторического процесса по-своему: «Перестройка образа мысли, подчиняясь острой необходимости, диктуемой изменённой ситуацией, всякий раз производится людьми с опозданием и неохотно и лишь тогда, когда к тому принуждает ситуация, сделавшая принятые взгляды непригодными. Реорганизация институтов и привычных взглядов согласно изменившемуся окружению производится в ответ на давление извне, она по своему характеру является реакцией на пробуждение к переменам» (Веблен, 1984, с. 203).

Иными словами, меняется дискурс бытия, меняются и институты, бытие определяющие. При этом надо лишь понимать, что экономические институты (вновь повторю, что имеются в виду не УрГЭУ или ИЭ УрО РАН и т. д.) являются лишь подразделением большой команды социальных институтов, определяющих различные грани этого самого нашего бытия.

2. Что нового внёс Веблен, сказав, что «институты – основа экономического поведения»? В чем суть его критики мотивационной концепции поведения «экономического человека», получившей распространение ещё со времён классиков (А. Смита)?

Новым в данном случае был сам подход к объекту анализа, предусматривающий переход от человека-функции к просто человеку как носителю определённого набора желаний, предпочтений и даже духовности. Соответственно, такой набор одновременно характеризует и индивидуальность каждого человека, и тот социум, в рамках которого человек существует.

Адам Смит, действительно, обозначил весьма важную реперную точку в исследовании экономических мотивов человеческого поведения, хотя он тоже, образно говоря, «стоял на плечах гигантов». У Аристотеля в «Никомаховой этике» взаимоотношения между строителем дома и башмачником рассматриваются как частный случай стремления к «пропорциональному воздаянию». Что-то подобное присутствует в «Сумме теологии» Фомы Аквинского, когда он рассуждает о справедливой цене. Английские моралисты и французские просветители, а это уже практически современники А. Смита, также воспринимали отдельного индивида в качестве не объекта, а субъекта общественных отношений. Оставалось только абстрагироваться от бесчисленного множества индивидуальных интересов и вывести некую закономерность в поведении человека как участника хозяйственной деятельности.

Вообще-то А. Смит сочинял «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776) не как учебник политической экономии, а как трактат, содержащий объяснение того, почему стоимость, то есть богатство, создаваемое трудом лишь одного из классов – рабочего (говоря современным языком), перераспределяется в пользу двух других – владельцев мануфактур (термин «капиталист» был ещё не в ходу) и землевладельцев. Отсюда, начав с анализа феномена разделения труда, в главе II А. Смит отмечает, что человек склонен к обмену результатов своей деятельности на результаты деятельности других людей, поскольку каждый индивид в отдельности не обладает всем необходимым набором навыков и способностей: «Почти у всех других видов животных каждая особь, достигнув зрелости, становится совершенно независимой и в своём естественном состоянии не нуждается в помощи других живых существ; между тем человек постоянно нуждается в помощи своих ближних, но тщетно было бы ожидать её лишь от их расположения. Он скорее достигнет своей цели, если обратится к их эгоизму и сумеет показать им, что в их собственных интересах сделать для него то, что он требует от них... Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов» (Смит, 2007, с. 76–77).

Отсюда и рождается тот самый образ человека-функции или *homo oeconomicus* (правильно именно так, а не *economicus*), который в своей деятельности руководствуется исключительно корыстным интересом, но при этом умножает богатство нации. Кстати, сам А. Смит этого латинского термина не употреблял, да и напирал больше на склонность к обмену: «Эта склонность к обмену не только создаёт различие способностей, столь заметное у людей

различных профессий, она также делает его полезным. <...> Различные их продукты, благодаря склонности к торгу и обмену, собираются как бы в одну общую массу, из которой человек может купить себе любое количество произведений других людей, в которых он нуждается» (Смит, 2007, с. 78–79).

Д. Рикардо, несколько переформатировавший в «Началах политической экономии и налогового обложения» (1817) учение А. Смита (вопреки одному не слишком распространённому мифу, они не были знакомы, хотя во время своих нечастых визитов в Лондон на старости лет А. Смит теоретически мог встретить маленького мальчика, бегущего к зданию биржи, где преуспевал его отец), слегка обогатил и образ *homo oeconomicus*. Капиталист у него также движим корыстью, но не только: «Капиталист, ищущий прибыльного применения для своих средств, естественно, будет принимать в соображение все преимущества одного занятия перед другим. Поэтому он может поступиться частью своей денежной прибыли ради верности помещения, опрятности, лёгкости или какой-либо другой или воображаемой выгоды, которыми одно занятие отличается от другого» (Рикардо, 2007, с. 127).

Слегка очеловечивая капиталиста, Д. Рикардо и за рабочим замечает склонность к улучшению условий своего бытия: «Способность рабочего содержать себя и семью так, чтобы число рабочих не уменьшалось, зависит не от количества денег, которое он получает в виде заработной платы, а от количества пищи, предметов жизненной необходимости и комфорта, ставшего для него насущным в силу привычки, которые можно купить за эти деньги» (Рикардо, 2007, с. 129). Только землевладелец Д. Рикардо, сам обладатель поместья в Глостершире, особо не жалуется, и оставляет за ним лишь функцию получателя ренты.

Собственно говоря, и для К. Маркса субъекты производственных отношений больше функциональны, нежели человечны. Капиталист и землевладелец озабочены исключительно максимизацией прибавочной стоимости в форме прибыли и ренты, а пролетариату предписана великая миссия по глобальному преобразованию мироустройства. Т. Веблен же не сводит человеческое поведение к достижению каких-либо узкоспециальных целей, и делает акцент на духовности, утверждая, что сама система жизни общества «может с психологической стороны быть охарактеризована в общих чертах как превалирующая духовная позиция или распространённое представление об образе жизни в обществе» (Веблен, 1984, с. 201–202).

Впрочем, стремление Т. Веблена учитывать все нюансы человеческого поведения и фиксировать их в соответствующих экономических институтах не получило развития по причине неосуществимости на практике столь благородной идеи. Неоклассики, то есть *mainstream* экономической науки XX века, просто абстрагировались от всего, что не имеет отношения к рациональному распределению ограниченных ресурсов в различных вариациях. Дж. М. Кейнс хотя и сформулировал свой «основной психологический закон», но в нём свёл человеческое поведение исключительно к склонности к сбережению. Даже в советской политической экономии человек был назначен в первую очередь строителем коммунизма, а не потребителем всё возрастающего потока разнообразных материальных и духовных благ, хотя классики марксизма мечтали именно об этом.

3. Широко известно, что «институты – это, по сути дела, распространённый образ мысли в том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций». Не является ли это свидетельством полного отказа от объективной функции научного исследования?

Небольшая цитата, содержащаяся в вопросе, – это как раз утверждение из «Теории праздного класса» Т. Веблена, точнее – из главы VIII с несколько загадочным названием «Освобождение от производства и консерватизм». Данная глава как раз и начинается с рассуждений о том, что институты проходят естественный отбор, и наоборот: «Социальные институты не только сами есть результат процесса отбора и приспособления, формирующего преобладающие или господствующие типы отношений и духовную позицию; они в то же время являются особыми способами существования общества, которые образуют особую систему общественных отношений и, следовательно, в свою очередь выступают действенным фактором отбора» (Веблен, 1984, с. 200).

Вряд ли эти рассуждения свидетельствуют о стремлении отца-основателя нового направления в экономической теории отречься от объективного характера институционального анализа. Просто и Т. Веблен, и его последователи (среди них выделяют Дж.Р. Коммонса, У.К. Митчелла и др.) на раннем этапе становления институционализма предпочитали двигаться от частного к общему, и отсюда возникает ощущение, что за деревьями они не видели леса. В «Экономической энциклопедии» под редакцией академика Л.И. Абалкина прямо утверждается, что традиционный институционализм основывался на индуктивном методе, то есть обобщении частных случаев, но этот путь оказался не очень продуктивным, и общая теория нового учения на этом этапе (первая треть XX века) так и не сложилась (Абалкин, 1999, с. 237).

Напротив, современные институционалисты или, точнее, неoinституционалисты предпочитают не индукцию, а дедукцию, используя общие принципы институционального анализа для объяснения конкретных явлений. Также отмечается и ещё одно существенное различие. Представители *old school* пытались изучать экономические проблемы методами других обществоведческих наук. Действительно, Т. Веблен опирался на психологию, Дж.Р. Коммонс – на юриспруденцию, а У.К. Митчелл – вообще на статистические методы анализа. Неoinституционалисты же предпочитают изучать политологические, правовые и иные социальные проблемы методами неоклассической экономической теории (Абалкин, 1999, с. 237) (от себя добавлю – и не только).

Неoinституциональная экономическая мысль представлена целым рядом знаковых фигур (Klein, 1999; North, 1986, 1989; Tool, 1994), хотя особо надо отметить одного из гуру данного направления, весьма почитаемого до сих пор в среде отечественных неoinституционалистов, Дугласа Норта (1920–2015). Следует, конечно, оговориться, что в первую очередь Д. Норт был известен как специалист в области «новой экономической истории» или клиометрики, и премию памяти А. Нобеля в 1993 г. получил он именно за свои историко-экономические изыскания, а не за неoinституционализм. Впрочем, связь с истоками хорошо прослеживается у Д. Норта в его выдержавшей около десятка переизданий до перевода на русский язык монографии «Институты, институ-

циональные изменения и функционирование экономики» (Норт, 1997). Для него именно «институциональные изменения определяют то, как общества развиваются во времени, и таким образом являются ключом к пониманию исторических перемен» (Норт, 1997, с. 17).

За Д. Нортом числится несколько определений экономического содержания категории «институт», хотя хрестоматийной следует признать следующее: «Институты – это правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми. Таким образом, институты ограничивают и определяют спектр альтернатив, доступных экономическим агентам согласно неоклассической теории» (North, 1989, p. 1320).

Неоклассика упоминается здесь не случайно. В неоклассических моделях экономического роста институты отсутствуют, но и дивный мир, описываемый этими моделями, весьма далёк от реалий бытия. Все рынки в нём высококонкурентны, ресурсы задействованы полностью, а вознаграждение факторов производства – максимально. Иными словами, рынок всё делает сам, и потребность в правилах и механизмах у современного *homo oeconomicus* не возникает. Между тем, как показал Д. Норт, институты «имеют значение», и особенно – в эпоху перемен.

Так что институционализм во всех ипостасях (середины XX столетия выделяют в качестве ещё одного этапа в его развитии) не претендовал на отказ от объективности анализа, хотя индивидуальным особенностям поведения и человека, и социальных институтов всех мастей уделялось особое внимание, иногда, возможно, даже и несколько преувеличенное.

4. Какова, с Вашей точки зрения, ЭВРИСТИЧЕСКАЯ способность этой КАТЕГОРИИ? И есть ли она?

Скорее, тут следует говорить не об эвристическом потенциале категории «институт», а о практической значимости институционального анализа. Фразу «Нет ничего практичнее хорошей теории» приписывают и Альберту Эйнштейну, и Нильсу Бору, и ещё кому-то (известен ли вообще автор этого шедеврального дискурса?), однако грубая и зримая реальность требует от научных работников более предметного внедрения результатов проведённых исследований. Увы, экономическая теория чаще всего не предвосхищает хозяйственную практику, а лишь даёт объяснение уже известным явлениям и процессам. Иными словами, о прогностической функции экономической науки вообще лучше не говорить всуе. Тем не менее, даже институционализм (точнее – его славные представители) предлагает иногда теоретические выводы, находящие воплощение, пусть и косвенным образом, в каких-либо решениях экономического свойства.

Особо можно остановиться и на такой категории, как «институционализация». Если дискурс института – это, по Т. ван Дейку, больше коммуникативное событие (Dijk, 1998), то в дискурсе институционализации явно превалирует коммуникативное действие, ибо это – непосредственно процесс превращения каких-либо отношений в институты, то есть закрепление сложившихся социальных связей в нормах, правилах и соответствующих механизмах. Вот как раз в выявлении нюансов данного процесса и заложен эвристический потенциал,

освоение которого позволяет избегать правовых, управленческих и иных ошибок в процессе реформирования экономики.

Протяжённость процесса институционализации во времени предполагает прохождение ряда обязательных этапов, содержание которых отражает последовательность изменения восприятия институционализируемого явления в индивидуальном и общественном сознании. Вопрос состоит в том, сколько этапов можно выделить, не нарушая логику данного процесса.

Наиболее простое «этапирование» процесса институционализации предложили П. Бергман и Т. Лукман. По их мнению, человеческой деятельности свойственно опривычивание или хабиитуализация (от лат. *habitare* – часто бывать, постоянно находиться). Часто повторяемое действие не просто становится привычным, но и воспринимается как образец, если позволяет экономить усилия при регулярном воспроизведении. Предусматривая стабильную основу протекания человеческой деятельности с минимумом затрат на принятие решений в течение большей части времени, хабиитуализация освобождает энергию для принятия решений в тех случаях, когда это действительно необходимо. Тем самым даже альтернативным вариантам поведения можно придать стандартные значения (Бергман, Лукман, 1995, с. 90–91).

Однако этап хабиитуализации ещё не означает появления института как такового. Опривыченные действия могут сменять друг друга в рамках деятельности, но если они становятся типичными для определённого сообщества, можно говорить о следующем (фактически – завершающем) этапе институционализации. Именно типизация опривыченных действий, как утверждали П. Бергман и Т. Лукман, и есть институт, поскольку, с одной стороны, она предполагает, что эти действия доступны для всех членов данной социальной группы, а с другой – типичность действий своим следствием имеет типизацию участников процесса (Бергман, Лукман, 1995, с. 92).

Напротив, А. Князев, рассуждая о природе институционализации как процесса упорядочивания социальных аспектов бытия, предпочитает детализацию этапов. Используя в качестве примера теневую экономику, он насчитывает семь шагов на пути формирования этого института (Князев, 2014):

I этап – возникновение потребности;

II этап – формирование определённых целей и служащей их осуществлению идеологии;

III этап – создание общественных норм и правил;

IV этап – появление стандартных функций, связанных с нормами;

V этап – практическое применение норм и функций;

VI этап – создание системы санкций, защищающих криминальную структуру;

VII – теневые вертикали власти.

При этом автор утверждает, что процесс институционализации в его примере универсален с точки зрения основных этапов (Князев, 2014). С этим, однако, трудно согласиться, так как два завершающих этапа отличаются уж слишком специфическим характером, да и число предыдущих этапов не мешало бы сократить. Кстати, можно ещё и посоветовать, что использование слова «структура» не по назначению способно испортить любой дискурс.

Установленный природой порядок смены времён года ненавязчиво намекает, что четырёх этапов для процесса институционализации вполне достаточно. В качестве первых двух можно использовать предложенные П. Бергманом и Т. Лукманом хабиитуализацию и типизацию. Кстати, показательным примером того, как уже на этих этапах возникают квазинормы, можно считать «обычай делового оборота». В гражданском праве под ним понимается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской деятельности правило поведения, не предусмотренное законодательством, причём – независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе. Иными словами, типизация уже порождает институты, но только пока что неформальные.

Укоренённость обычая делового оборота во времени означает, что он становится достоянием не только субъектов предпринимательства, установивших такую практику, но и последующих участников предпринимательских отношений, принимающих сложившиеся «правила игры». Обретая историчность, зачаточный институт теперь переживает этап объективации, то есть отделения складывающейся нормы от личности её «автора». Институт теперь воспринимается в качестве обладающего собственной реальностью, с которой индивид сталкивается как с внешним и принудительным фактом. Этапу объективации будет соответствовать стремление, к примеру, предпринимательского сообщества каким-либо образом закрепить обычаи делового оборота, от прописывания определённых правил в различного рода кодексах деловой этики и т. д. до выступления с законотворческими инициативами.

Логическим следствием объективации института становится его легитимация, то есть официальное правовое закрепление. Необходимость этого шага обусловлена хотя бы тем, что первоначальный смысл сложившегося института становится недоступен пониманию на уровне памяти индивида. То есть историчность складывающегося институционального порядка требует, чтобы он обладал не только когнитивной (объяснение), но и нормативной (оправдание) интерпретацией, и этой цели как раз и служит легитимация как завершающий этап институционализации.

Закрепление института в нормах действующего законодательства имеет и ещё один смысл. Например, перед вступающими в сложившиеся предпринимательские отношения новыми хозяйствующими субъектами встаёт вопрос принятия или непринятия существующих правил. Во втором случае возникает необходимость применения санкций. На уровне обычаев делового оборота эти санкции не могут выходить за рамки морального осуждения или исключения «отступника» из будущих хозяйственно-договорных отношений (криминальные разборки – тоже вариант исключения). Действующий же нормативный акт обладает гораздо большими возможностями в плане утверждения власти института над индивидом.

В этом случае особенности институционального оформления современной экономической реформы в России – тема весьма любопытная и ещё далеко не разработанная во всей своей полноте. Впрочем, весьма значительный вклад в анализ институциональных аспектов реформы уже внёс академик Виктор Меерович Полтерович (Полтерович, 1999, 2001, 2011, 2020) из ЦЭМИ РАН, а также его ученики и последователи, в том числе и в Институте экономики

УрО РАН. По крайней мере введённая им в научный оборот категория «институциональная ловушка» стала украшением общей теории экономических реформ, а заодно – научным обоснованием того, что получается в результате попыток перескочить через этапы институционализации в стиле «кавалерийской атаки на...». Однако, повторюсь, данная тематика ещё ожидает своих исследователей.

Так что институт как объект экономического анализа вполне заслуживает право на существование, а (нео)институционализм занимает своё достойное место среди направлений и школ экономической теории. В конце концов, ещё старик Ной доказал, что не только каждой твари должно быть по паре, но и всем им найдётся место на ковчеге.

Список литературы

1. Абалкин, Л.И. (Гл. ред.). (1999). *Экономическая энциклопедия*. М.: ОАО «Издательство «Экономика».
2. Азрилиян, А.Н. (Ред.). (1998). *Большой экономический словарь*. М.: Институт новой экономики.
3. Бергман, П., Лукман, Т. (1995). *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: Медиум.
4. Веблен, Т. (1984). *Теория праздного класса*. М.: Прогресс.
5. Вико, Дж. (1994). *Основания новой науки об общей природе наций*. М. – К.: REFL-book, ИСА.
6. Институт. (1992). *Современный словарь иностранных слов: Около 20000 слов*. М.: Русский язык.
7. Институтъ. (1994). *Малый энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона* (Репр. воспр., Т. 2). М.: ТЕРРА.
8. Князев, А. (2014, 5 марта). *Процесс, понятие и этапы институционализации. Институционализация в России. Институционализация – это...* Взято 20 мая 2020, с <https://fb.ru/article/133456/protsess-ponyatie-i-etapy-institutsionalizatsii-institutsionalizatsiya-v-rossii-institutsionalizatsiya---eto>
9. Лёхин, И. В., Петрова, Ф. Н. (Ред.). (1955). Институт. *Словарь иностранных слов* (5-е изд., стереотип). М.: Гос. изд-во иностр. и национальных словарей.
10. Маркс, К. (1848). П. В. Анненкову, 28 декабря 1846 г. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения* (2-е изд., Т. 9). Госполитиздат. (Оригинальная работа опубликована в 1846 г.).
11. Норт, Д. (1997). *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. М.: Фонд экономической мысли «Начала».
12. Полтерович, В. М. (1999). Институциональные ловушки и экономические реформы. *Экономика и математические методы*, 35(2), 3–20.
13. Полтерович, В. М. (2001). Трансплантация экономических институтов. *Экономическая наука современной России*, 3, 24–50.
14. Полтерович, В. М. (2011). Общество и реформы. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЛОВУШКИ: ЕСТЬ ЛИ ВЫХОД? Взято 20 мая 2020, с <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/01/11/1214866995/Polterovich.pdf>
15. Полтерович, В. М. (2020). На пути к новой теории реформ. Взято

с <http://www.r-reforms.ru/vmp1.htm>

16. Риккардо, Д. (2007). *Начала политической экономики и налогового обложения*. М.: Эксмо.
17. Смит, А. (2007). *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Эксмо.
18. Dijk, T.A. van. (1998). *Ideology: A multidisciplinary Approach*. London: SAGE Publications.
19. Klein, P.G. (1999). New Institutional Economics. *Encyclopedia of Law and Economics*. Взято с <https://reference.findlaw.com/lawandeconomics/0530-new-institutional-economics.pdf>
20. North, D. (1989). Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction. *World Development*, 17(9), 1319–1332.
21. North, D.C. (1986). The new Institutional Economics and Development. *Journal Institutional and Theoretical Economics*, 142, 230–237.
22. Tool, M.R. (1994, Autumn). Institutional Adjustment and instrumental Value. *Review of institutional political Economy*, 1(3), 405–443.

References

1. Abalkin, L.I. (Ed.). (1999). *Ekonomicheskaja entsiklopediya* [Economic encyclopedia]. М.: Экономика.
2. Azrilian, A.N. (Ed.). (1998). *Bol'shoi ekonomicheskij slovar'* [Big economic dictionary] (3rd ed.). М.: Institut novoi ekonomiki.
3. Berger, P.L., & Luckmann, T. (1995). *Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge]. М.: Medium.
4. Dijk, T.A. van. (1998). *Ideology: A multidisciplinary Approach*. London: SAGE Publications.
5. Institut [Institute]. (1992). *Sovremennyy slovar' inostrannyx slov: Okolo 20000 slov*. М.: Russkij yazyk.
6. Institut" [Institute]. (1994). *Malyj e'nciklopedicheskij slovar' Brokgauza-Efrona* (Reprint reproduction, Vol. 2). М.: TERRA.
7. Klein, P.G. (1999). New Institutional Economics. *Encyclopedia of Law and Economics*. Retrieved from <https://reference.findlaw.com/lawandeconomics/0530-new-institutional-economics.pdf>
8. Knyazev, A. (2014, March 5). *Process, ponyatie i e'tapy institucionalizacii. Institucionalizaciya v Rossii. Institucionalizaciya – e'to...* [Process, concept and stages of institutionalization. Institutionalization in Russia. Institutionalization is...]. Retrieved May 20, 2020, from <https://fb.ru/article/133456/protsess-ponyatie-i-etapy-institucionalizatsii-institucionalizatsiya-v-rossii-institucionalizatsiya---eto>
9. Lyoxin, I.V., & Petrova, F.N. (Eds.). (1955). Institut [Institute]. *Slovar' inostrannyx slov* (5th ed., stereotyped). М.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyx i nacional'nyx slovarej.
10. Marx, K. (1848). P.V. Annenkovu, 28 dekabria 1846 g. In K. Marx, & F. Engels, *Sochineniya* [Essays] (2nd ed., Vol. 9). Gospolizdat. (Original work published 1846).

11. North, D. (1989). Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction. *World Development*, 17(9), 1319–1332.
12. North, D.C. (1986). The new Institutional Economics and Development. *Journal Institutional and Theoretical Economics*, 142, 230–237.
13. North, D. (1997). *Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki* [Institutions, institutional change and economic performance]. M.: Nachala.
14. Polterovich, V.M. (1999). Institutsional'nyie lovushki i ekonomicheskkiye reformy [Institutional traps and economic reforms]. *Ekonomika i matematicheskiye metody*, 35(2), 3–20.
15. Polterovich, V. M. (2001). Transplantatsiya ekonomicheskikh institutov [Transplantation of economic institutions]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii*, 3, 24–50.
16. Polterovich, V.M. (2011). *Obshchestvo i reformy. INSTITUCIONAL'NYE LOVUSHKI: EST' LI VYHOD?* [Society and reforms. INSTITUTIONAL PITFALLS: IS THERE A WAY OUT?]. Retrieved May 20, 2020, from <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/01/11/1214866995/Polterovich.pdf>
17. Polterovich V.M. (2020). *Na puti k novoi teorii reform* [Towards a new theory of reform]. Retrieved from <http://www.r-reforms.ru/vmp1.htm>
18. Ricardo, D. (2007). *Nachala politicheskoy ekonomii i nalogovogo oblozheniya* [Principles of Political Economy and Taxation] M.: Eksmo.
19. Smith, A. (2007). *Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov* [Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations]. M.: Eksmo.
20. Tool, M.R. (1994, Autumn). Institutional Adjustment and instrumental Value. *Review of institutional political Economy*, 1(3), 405–443.
21. Veblen, T. (1984). *Teoriya prazdnogo klassa* [The theory of the leisure class]. M.: Progress.
22. Vico, G. (1994). *Osnovaniya novoj nauki ob obshchej prirode nacij* [Foundations of a new science of the common nature of nations]. M. – K.: REFL-book, ISA.